

Каунасе в межвоенный период (Й. Йоахимьяк, Т. Броницка), а также в послевоенные годы (Й. Мендельска). Выбранные авторами издания оказались очень удачными с точки зрения временной и географической принадлежности, поскольку позволили сделать ряд интересных наблюдений относительно развития польского языка в различных общественно-политических ситуациях: в условиях литуанизации, русификации, а также — независимого функционирования. Другим источником ретроспективных исследований стали учебники для польских школ, изданные в послевоенной Литве. Их анализ позволил автору — М. Маршалеку — прояснить некоторые способы распространения языковых особенностей в речи младших поколений литовских поляков.

Немногочисленные статьи, посвященные вопросам литовского языка, различны с точки зрения тематики и методологии предпринятых в них исследований: А. Видугирис описывает историю изучения юго-восточных литовских говоров; О. Вайчюлите-Романчук анализирует особенности литовской речи славян, отмечая проявления языковой интерференции; Б. Вимер представляет свое видение проблемы топиализации в разговорном литовском языке, отличное от принятого в литуанистической литературе.

По решению организаторов симпозиума в публикации сохранены оригинальные языки выступлений: польский, литовский и русский, что скорее всего не явилось бы преградой (несмотря на опасения редактора) для ученых, специализирующихся в проблематике данного региона, если бы не многочисленные ошибки (по всей видимости, корректурные) в литовском тексте. Вероятно также, недостаточное знание литовского языка не позволило авторам некоторых статей соотнести ряд специфических черт польских говоров на территории Литвы с явно сходными литовскими формами (напр., синкретизм окончаний *Acc* и *Nom sg* у существительных ж.р., деназализация окончаний *Acc sg* у существительных, прилагательных и местоимений ж.р. и др.).

В заключение следует подчеркнуть, что несмотря на высказанные замечания, данная публикация наверняка заслуживает внимания как славистов, так и литуанистов, представляя новые интересные данные относительно территориальной дифференциации польских и литовских говоров, а также проясняя механизмы их взаимодействия с другими языками на территории Литвы.

*Виктория Ушинскепа
Вильнюс*

NIKOLA MIKILOV, Frühslovenische Sprachdenkmäler. Die handschriftliche Periode der slowenischen Sprache (XIV. Jh. bis 1550). Amsterdam—Atlanta, GA, 1998. 445 S. (Studies in Slavic and General Linguistics, vol. 26.)

Словенский язык, относящийся к южнославянской группе, представляет собой один из мало распространенных языков — число жителей Словении немногим превышает 2 млн., за пределами страны живет около 700 000 словенцев. Его роль в истории славянского языкознания, однако, далеко не пропорциональна его современному положению. Первый известный памятник письменности на славянском языке — Фрейзингские отрывки (середина XI в.),

написанный латинницей, — является вместе с тем древнейшим памятником словенского языка. В словенском языке законсервировались не только лексические, но и грамматические архаизмы (ср. активное употребление двойственного числа в современном словенском языке), и он является поистине кладезем для всех, кто занимается славистикой, сравнительно-историческим и индоевропейским языкознанием.

В настоящее время можно говорить об усилившемся интересе к словенскому языку (ср., напр., резкое увеличение словенского материала в *Этимологическом словаре славянских языков* под ред. О. Трубачева, решение о проведении в Любляне следующего Международного съезда славистов и т.д.).

История словенского языка, однако, складывалась так, что весь период с XI до XVI вв. (от первого рукописного памятника до печатной книги — *Katehizisa* П. Трубара 1550 г.) оказался мало изученным. Это связано с тем, что словенская рукописная традиция не была непрерывной; кроме того, рукописи создавались на разных диалектных территориях, зачастую несловенцами, так что само их изучение представляло значительную сложность.

Перерывы в рукописной традиции во многом обусловлены особенностями истории словенцев как народа. С XI в. до XX в. у них не было своего самостоятельного государства, и разные словенские территории входили в иностранные государственные образования — прежде всего в состав Австрии, Италии, Венгрии. В силу этих причин задача создания обобщающего труда по всему материалу, накопленному наукой до сего дня в области рукописного наследия словенцев, представляется актуальной и своевременной.

Рецензируемая монография Н. Михайлова представляет собой попытку создания обобщающего труда по словенскому рукописному периоду. Автор, известный своими работами в области истории словенского языка, словенской мифологии и фольклористики¹, ставит перед собой несколько задач. Непосредственная цель монографии — публикация и историко-лингвистический комментарий рукописей XIV–середины XVI в., то есть создание корпуса словенского языка раннего периода, на фоне обобщения всех исследований, проведенных в этой области с XIX в. до наших дней. Перспективной целью работы является реконструкция словенского языка рукописного периода.

Монография состоит из краткого введения [с. 13–15], где определены цели и задачи исследования, двух глав, заключения, разного рода индексов, списка литературы и приложения.

В первой части “История исследования словенских памятников раннего периода” (“Geschichte der Erforschung der Frühslovenischen Handschriften”, с. 16–90), определяется объем наследия (13 памятников). Само определение числа памятников является проблематичным, так как некоторые памятники

¹ Н. Михайлов, в настоящее время зав. кафедрой словенского языка и литературы университета г. Удина (Италия), является соредактором журнала *Studia mythologica Slavica*, издаваемого в Любляне, автором ряда книг и статей по словенистике, опубликованных в Италии, России, Словении, Австрии и др. В настоящее время в Триесте (Италия) готовится к изданию словенский вариант рецензируемой книги.

состоят либо из одной словенской фразы, включенной в немецкий текст (*Приветствие* Ульриха из Лихтенштейна 1227 г., *Pozdrav Ulricha von Lichtensteina*, нем. *Gruß von Liechtenstein*), либо из перечисления нескольких словенских слов: названий месяцев (рукопись из Удине XV в.) или нескольких числительных (рукопись из Шкофье Локи 1466 г.). Дополнительная трудность изучения рукописей состоит в том, что оригиналы некоторых из них утеряны. Подробный обзор научной литературы по предмету (XIX–XX вв.), который включает работы не только выдающихся лингвистов (В. Облак, Ф. Рамовш, Р. Ленчек и др.), но и историков (И. Груден) и историков литературы (И. Графенауер, А. Слодняк, Й. Погачник и др.), приводит Н. Михайлова к выводу об отсутствии таких современных исследований, в которых бы рукописный период был представлен целостно как с точки зрения истории языка, так и с точки зрения истории литературы. Недостаточное внимание к рукописному периоду приводит некоторых ученых к ошибочным утверждениям о том, что до первопечатника Трубара не было словенской литературной традиции, словенский язык не использовался в общественной жизни, не был развит, а словенские памятники раннего периода не имеют особой ценности, так как они переписаны или переведены с иностранных источников (немецких или итальянских).

Н. Михайлов, признавая малочисленность рукописных текстов, вместе с тем подчеркивает, что они связаны с разными сферами общественной жизни — конфессиональной, административно-канцелярской, юридической; кроме того, они содержат переработки народных песен, тематические глоссы и др. Данное обстоятельство является особенно важным в связи со спорами о том, какую роль играл словенский язык в обществе — ведь оно со всей очевидностью свидетельствует о том, что словенский язык использовался во многих сферах жизни средневекового общества. На словенских землях, постоянно оказывавшихся под культурным влиянием соседних народов (в первую очередь — итальянцев и немцев), оставалось мало места для развития родного языка, однако и печатные тексты Трубара могли появиться только там, где язык был уже достаточно хорошо развит.

Во второй части первой главы Н. Михайлов излагает историю открытия, публикации и исследования памятников. Завершают главу две сводные таблицы: в одной представлены различные датировки обсуждаемых рукописей, в другой — место создания памятника.

Во второй части монографии “Словенские памятники письменности раннего периода. Тексты и комментарии” (“Frühslovenische Sprachdenkmäler. Text und Kommentare”, с. 91–384) представлено 9 текстов: *Celovski/Rateški rokopis*, *Stiški rokopis*, *Kranjski rokopis*, *Videmski rokopis*, *Škofjeloški rokopis*, *Starogorski rokopis*, *Černjejski rokopis*, *Auerspergov rokopis*, *Načrt za pridigo*; при этом дано: 1) описание рукописи; 2) публикация (разночтения по прежним публикациям, транслитерация и переводы на словенский и немецкий язык); 3) комментарий, где обсуждаются интерпретации различными исследователями отдельных словоформ; 4) анализ языковых (орфографических, фонетических, морфологических, синтаксических и лексических) особен-

ностей рукописи; 5) алфавитный список словоформ с морфологическими характеристиками и с современными словенскими и немецкими соответствиями. Если учесть, что три памятника представляют собой отдельные слова, а один памятник был в 1992 г. опубликован Й. Топоришичем (рукопись из Стичны, 1428 г.), то, таким образом весь, корпус словенских рукописей раннего периода оказывается к настоящему времени квалифицированно представленным в научной литературе.

Обобщая результаты своего исследования, Н. Михайлов отмечает, что имеется достаточно оснований для пересмотра роли и сферы употребления словенского языка в ранний период его истории. В западных и центральных областях словенскоязычного ареала словенский язык использовался не только в узкой бытовой области. Автор представляет немногочисленные письменные образцы словенского языка раннего периода как свидетельство тенденции к созданию литературного словенского языка. На существовании такой тенденции указывает и то, что в рукописях из различных диалектных зон представлены элементы других диалектов, что свидетельствует о процессах формирования койне письменного языка.

Обращаясь к частным вопросам рукописного периода, Н. Михайлов отмечает необходимость заново вернуться к проблеме периодизации и датировки памятников, перечисляет ряд собственно языковых вопросов (возникновение аканья, билабиального и палатальных сонантов, проблема двойственного числа, изменений в склонении, кратких форм местоимений и др.).

Завершают монографию список литературы [с. 389–403], включающий работы на словенском, немецком, итальянском, русском, польском, английском языках (216 позиций); алфавитный словоуказатель лексем, представленных в рассмотренных текстах [с. 405–440], указатель имен [с. 441–445] и репродукции некоторых рукописей (15 иллюстраций).

Материалы монографии Н. Михайлова и их фонетический, морфологический анализ представляют собой подготовленную базу данных для исследователей как истории словенского языка, так и славистов и индоевропеистов. Его наблюдения показывают, что есть все основания говорить о раннем периоде развития письменного словенского языка. Тем самым словенский язык включается в круг славянских литературных языков уже со средневекового периода. Закономерности его развития соответствуют обычным для этого периода условиям и формам существования литературного языка (область использования, наддиалектный характер и т.д.).

Ценность монографии заключается не в последнюю очередь в том, что в ней подведены итоги исследования отдельных словенских памятников в разных аспектах, а это позволяет “за деревьями увидеть лес”, за частностями отдельного явления — его включенность в общий процесс создания и развития письменной традиции. С другой стороны, публикация памятников, равно как и словоуказателей к ним, включает их в контекст исследований истории славянской письменности как таковой.

*Елена Концкая
Вильнюс*